

A movie poster for 'Resonance of Silence' (Резонанс Пустоты). The image depicts a massive, rusted, and heavily damaged alien spacecraft hanging vertically in a blue sky filled with white clouds. The ship's surface is covered in numerous circular portholes, some of which are glowing with a blue light. In the foreground, two soldiers in dark combat uniforms stand on a rocky cliff, looking out over a turbulent, bright blue ocean. The overall scene conveys a sense of awe and impending conflict.

Кай Нова

Резонанс Пустоты

Кай Нова

Резонанс Пустоты

<https://litres.ru/74241672>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ксеноакустик Кемияль всю жизнь слушал музыку вселенной, но когда планета-океан Колыбель-9 внезапно замолкает, он слышит лишь гробовую тишину. Вместе с пилотом Марком — циничным тактиком, привыкшим сначала стрелять, а потом задавать вопросы, — он отправляется в самое сердце безмолвной бездны, чтобы найти источник катастрофы. В глубинах их ждет нечто невозможное: древний кристальный город, построенный задолго до появления человечества, и рой теней, порожденных предсмертной агонией чужого разума. Чтобы спасти планету и выбраться живыми, напарникам придется не только довериться друг другу, но и разгадать язык, на котором говорит сама смерть. Потому что в этой бездне тишина — не отсутствие звука, а оружие.

Научная фантастика, ксенофантастика, первый контакт, напряженный дуэт героев.

Кай Нова

Резонанс Пустоты

Книга: «Резонанс Пустоты»

Глава 1. Тишина, которой не должно быть

Кемиаль никогда не слышал тишину. До этого момента.

Он стоял на смотровой палубе «Эгиды», опершись ладонями о холодный поручень, и смотрел на планету, занимавшую весь обзорный экран. Колыбель-9. Жемчужина Внешнего Кольца. Мир-океан, испещренный архипелагами, похожими с такой высоты на мазки изумрудной краски. Обычно в наушниках Кемиаля стоял непрерывный гул — Песнь Колыбели. Сложная, живая симфония, которую плела сама планета: шепот прибоя, ультразвуковые переключки морских исполинов, проходящие сквозь толщу воды, низкочастотная дрожь тектонических плит, музыка ветров в скальных гротах.

Сейчас ее не было.

Наушники молчали, и от этой пустоты звенело в ушах. Кемиаль инстинктивно коснулся сенсора за ухом, проверяя, не

сбилась ли настройка. Диагностика показывала полную исправность. Он переключился на резервный канал — ничего. На вспомогательный гидрофонный массив — та же гулкая, давящая пустота. Это было неправильно. Это было невозможно. Планета-океан не может молчать, как не может молчать сердце в груди живого человека.

Он резко обернулся. В другом конце просторной, залитой мягким янтарным светом палубы, развалившись в ложементе главного тактического поста, сидел Марк. Его скафандр был небрежно расстегнут до пояса, обнажая пропотевшую серую майку, а на лице застыло выражение абсолютной, почти агрессивной скуки. Он методично, с хрустом разминал пальцы, не глядя на экраны.

— Марк! — голос Кемияля прозвучал резче, чем ему хотелось бы. — Ты слышишь это?

Марк даже не пошевелился. Только лениво перевел взгляд на Кемияля — взгляд серых, как штормовое небо, глаз, в которых плясали опасные искорки.

— Я ничего не слышу, Кем. В этом-то и проблема. С самого утра. Идеальная, кристальная, девственная тишина. Ты знаешь, как я мечтал о такой тишине последние три месяца нашего «романтического круиза»? — Он хмыкнул. — А те-

перь она меня бесит.

— Это не просто тишина, — Кемпаль нервно прошелся вдоль поручня. — Это акустическая стерильность. Как в вакуумной камере. Такого не бывает в природе. Планета замолчала. Полностью. Внезапно. Час назад я фиксировал стандартную активность, Песнь шла в зеленом спектре, а теперь... — он развел руками, подбирая слово, — ...ноль.

— Ну, замолчала и замолчала, — Марк наконец выпрямился в кресле, потянувшись так, что хрустнули позвонки. — Может, у них там, внизу, местный праздник. День Тишины. Или обеденный перерыв у всех китов одновременно. Нам-то что? Мы — группа разведки и реагирования, Кем. Наша задача — сидеть тут и реагировать. А реагировать пока не на что. Нет сигнала — нет проблемы.

— Нет сигнала — это самая большая проблема из всех возможных! — Кемпаль почувствовал, как внутри закипает знакомая смесь отчаяния и гнева. Вечный спор. Он — ксеноакустик, слушатель, человек, который понимает мир через звук и вибрацию. И Марк — пилот, тактик, реаниматор, человек действия, для которого «понять» означает «сломать и посмотреть, как оно работало». Центр психологической совместимости, должно быть, жестоко пошутил, объединив их в пару. Или, наоборот, сработал гениально, создав идеаль-

ный предохранитель. Кемпаль генерирует гипотезы, Марк их критикует. Только сейчас на критику не было времени.

— Ты не понимаешь. Колыбель-9 — это не просто вода. Это единая акустическая нейросеть. Гидросфера и биосфера связаны звуком в единый организм. Если звук пропал... значит, произошло что-то, что ударило по всей системе разом. Это как если бы у всего человечества одновременно остановилось сердце.

— Энтропия, — Марк поднял указательный палец, изображая профессорский тон. — Великая и ужасная. Все ломается. Может, какой-то вирус. Или подводное землетрясение, которое мы не засекли.

— Для такого землетрясения не хватило бы энергии целого ядра планеты! — Кемпаль снова повернулся к экрану. Океан выглядел до отвращения спокойным. Идеально ровная, глянцевая гладь без единого буруна. — Нужно идти вниз. Нужно спускаться в точку «Зенит».

Точка «Зенит» — самый глубокий желоб на планете, место, где, как считалось, находилось «сердце» акустической сети. Именно там залегали загадочные кристаллические структуры, которые, по мнению Кемпала, и были ключом ко всей Песне.

Марк фыркнул.

— В «Зенит»? На нашем ржавом корыте? Ты же знаешь протокол. Любая глобальная аномалия — и мы немедленно глушим двигатели и ждем эвакуационный борт «Зеро». Нас снимут с орбиты через шесть часов. И полетит туда уже другая группа, с полным научным оборудованием и вооруженным эскортом.

— За шесть часов мы можем потерять то, что там происходит, навсегда! — взорвался Кемияль. — Ты же знаешь, как работает наука, Марк! Мы здесь не для того, чтобы просто сидеть и ждать! Мы — первые глаза и уши человечества. И мои уши говорят мне, что случилась катастрофа.

— А мои глаза видят, что наш батискаф «Калипсо» не предназначен для боевых операций, — парировал Марк без всякого энтузиазма, но с металлом в голосе. — И мой тактический анализ говорит, что если некая сила способна мгновенно вырубить акустику целой планеты, то наш батискаф она переварит и не заметит, как витаминку. Я не собираюсь рисковать твоей жизнью.

— Моей жизнью? Или своей шкурой? — Кемияль сам испугался своих слов, как только они слетели с губ.

В серых глазах Марка что-то неуловимо изменилось. Пропали искорки. Взгляд стал тяжелым, давящим. Он медленно, очень медленно встал с кресла. Он был на голову ниже Кемиалья, но сейчас казался в два раза больше. Каждый мускул его тела, заточенный для быстрых и смертоносных движений, был напряжен.

— Послушай меня, мелодист, — голос Марка был тих и ровен, но в нем звенел тот самый опасный «резонанс», который Кемиаль слышал в нем всегда. Низкая, угрожающая частота. — Я был в местах, где тишина наступала после того, как мы делали свою работу. И я знаю разницу между тишиной мира и тишиной могилы. Эта тишина, — он указал пальцем на обзорный экран, — могильная. Я это нутром чую. И я не дам тебе утянуть нас обоих в братскую могилу только потому, что тебе «очень интересно».

— Там внизу не могила, — упрямо прошептал Кемиаль. — Там пациент. Пациент, у которого остановилось сердце. И мы единственные, кто может попытаться его запустить. Мы не просто наблюдатели, Марк. Мы — врачи. И протокол в данной ситуации — это наша совесть. Ты реально готов просто улететь?

Марк долго смотрел на него, и в его взгляде читалась

сложная гамма чувств: досада, раздражение, но где-то глубоко, почти незаметно — тень уважения. Он знал, что Кемияль не отступит. Знал, что этот сумасшедший ученый упертый, как горный козел на вертикальной стене.

— Черт бы тебя побрал, Кем, — выдохнул он наконец. — И твою совесть. И твоих гипотетических пациентов.

Он резким движением застегнул скафандр, и тишину палубы пререзал звук герметизирующихся замков. Короткий, шипящий, полный мрачной решимости.

— У нас есть два часа, — отчеканил Марк, направляясь к шлюзу, ведущему в ангар с «Калипсо». — Ни минутой больше. Через два часа врубаю аварийные двигатели, и мы идем на стыковку с «Зеро». И если внизу я увижу хоть что-то, что мне не понравится — а мне там не понравится все, — я разворачиваю посудину, и мы уходим. Без возражений, без обсуждений. Ты понял? Это не твоя экспедиция, это моя спасательная операция.

— Понял, — быстро кивнул Кемияль, уже спеша за ним. Сердце колотилось где-то в горле. Сработало. Он продавил. И вместе с победой пришла ледяная волна страха. То, как Марк произнес «могильная тишина», то, как он без единого спора согласился на этот смертельный номер... пилот чувал

беду. А своему чутью Марк не доверял только в одном случае — когда Кемияль переступал порог его рациональности.

Спуск в ангар проходил в гробовом молчании. Только эхо их шагов разносилось по пустым коридорам «Эгиды». Кемияль забрался в кресло второго пилота «Калипсо» и начал включать акустические анализаторы. Наушники по-прежнему молчали.

— Значит, идем в сердце тишины, — пробормотал Марк, запуская предстартовый цикл. — Ну что ж, Кем. Посмотрим, кто там играет за упокой твоей планеты.

Шлюз открылся, и батискаф, похожий на каплю ртути, скользнул в бездну немого океана. Впереди была только тьма и загадка, которая поглотила звук целого мира.

И где-то на пределе слышимости, на грани восприятия аппаратуры, Кемиялю на мгновение почудилась одна-единственная нота. Настолько низкая и глубокая, что он ощутил ее не ухом, а диафрагмой. Вибрация, полная бесконечной, нечеловеческой скорби. А затем она исчезла, и снова наступила тишина. На этот раз — еще более зловещая.

Глава 2. Архитектор Бездны

Спуск в бездну всегда был похож на погружение в сон. Сначала — яркая, пронизанная солнцем бирюза, кишашая планктоном и стаями серебристых рыб. Затем — быстрые сумерки, где свет выцветает до бледно-голубого, а потом и вовсе сдается, оставляя «Калипсо» один на один с абсолютной чернотой. Обычно Кемпаль в эти минуты включал полный акустический спектр, и рубка батискафа наполнялась голосами глубин: щелчками креветок, далекими песнями китообразных, шорохом подводных течений.

Сейчас динамики молчали. Тишина давила на барабанные перепонки, от нее хотелось кричать. Кемпаль то и дело касался сенсора за ухом, будто это могло помочь. Анализаторы работали на пределе чувствительности, вылавливая из пустоты лишь белый шум и потрескивание остывающего корпуса.

Марк вел батискаф молча. Только желваки ходили на его скулах. Он не смотрел на Кемпаль, полностью сосредоточившись на показаниях глубиномеров и курсоуказателей. Они прошли отметку в три тысячи метров, когда ожил детектор массы.

— Контакт, — голос Марка прозвучал сухо и деловито. — Прямо по курсу. Дальность — двести метров. Размер... — он запнулся и нахмурился, перепроверяя данные. — Размер

не определяется. Он... больше зоны охвата сканера.

Кемиаль подался вперед, вглядываясь во тьму за бортом. Проекторы «Калипсо» выхватывали из мрака только взвесь микроскопических частиц, создававшую иллюзию снежной бури. Но там, впереди, тьма была какой-то другой. Более плотной. Словно в океане висела гигантская стена, поглощающая свет.

— Сбрасывай скорость, — выдохнул он.

— Уже, — Марк плавно отвел рукоять тяги назад. — Расстояние пятьдесят метров. До дна желоба еще три километра. Это не скала.

— Это оно, — Кемиаль почувствовал, как пересохло во рту. — То, что мы искали. «Архитектор».

Архитектором они между собой называли загадочную кристаллическую формацию, обнаруженную в точке «Зенит» еще первыми картографическими зондами. Тогда ее сочли просто уникальным геологическим образованием — причудливым нагромождением минералов, выросших под чудовищным давлением. Но Кемиаль годами доказывал, что кристаллы не хаотичны. Их структура, их расположение, их резонансные частоты — все указывало на искусственное

происхождение. На разум. На архитектуру.

— Смотри, — прошептал он.

Из тьмы проступили контуры. Сначала — смутные, едва уловимые. Затем — четкие, острые, невероятные. Проекторы «Калипсо» осветили колоссальную колоннаду из черного, матового кристалла. Колонны уходили вверх и вниз, теряясь во мраке, их грани были покрыты сложнейшим узором из переплетающихся линий, напоминавших одновременно и нейронную сеть, и застывшую музыку. Это был лес. Лес из мертвого, молчащего хрусталя.

— Они... они висят в толще воды, — голос Марка дрогнул впервые за все время их знакомства. — Они не касаются дна. Кем, как такое возможно? Что держит эту машину?

— Не знаю, — честно ответил Кемпаль, чувствуя, как по спине бегут мурашки благоговейного ужаса. — Какая-то форма антигравитации? Звуковая левитация? Мы на пороге открытия, Марк. Эта штука старше самой планеты.

Он переключил проекторы в режим широкого спектра, и в рубке разом погасло внутреннее освещение — так требовал протокол детального сканирования. Теперь они оба видели только то, что снаружи.

Архитектор раскрывался перед ними во всем своем жутком великолепии. Колонны образовывали спиральные галереи, арки, мосты, переходы. Это был город. Безмолвный, пустой, погруженный в вечную ночь город, построенный не для людей. Масштаб сооружения подавлял, лишал чувства реальности. «Калипсо» казался песчинкой, залетевшей в заброшенный кафедральный собор.

— Там внутри есть пустоты, — Кемиаль указал на показания спектрографа. — Проходы. Туннели. Они ведут глубже, к центру структуры. Я уверен, источник Песни был там.

— Был, — эхом отозвался Марк. Он смотрел не на колонны. Его взгляд был прикован к центральной, самой массивной башне, оплетенной спиралями более мелких кристаллов. — Кем, посмотри на пик центрального шпиля.

Кемиаль перевел взгляд и похолодел.

Шпиль был сломан. Вершина его отсутствовала, а срез выглядел не как разрушение от времени или землетрясения. Он был оплавлен. словно гигантская энергия ударила по кристаллу, расплавив его, как восковую свечу. И вокруг среза, едва заметные, пульсировали тусклые, багрово-оранжевые прожилки — остаточное тепло или какая-то неведомая

радиация.

— Это не поломка, — прошептал Марк. — Это выстрел.

В этот момент батискаф вздрогнул. Не от внешнего удара, а от внезапного, резонансного толчка, прошедшего через весь корпус. Кемпаль вздрогнул и схватился за подлокотники. А затем он услышал это.

Звук. Первый звук за все время их спуска.

Одиночная нота. Низкая, вибрирующая, пробирающая до костей. Она пришла не из наушников — анализаторы молчали. Она родилась прямо в воздухе рубки, как будто вибрировал сам металл переборок. Нота тянулась, менялась, и в ней слышалось нечто большее, чем просто звук. В ней была эмоция. Нечеловеческая, сложная, но безошибочно узнаваемая.

Угроза.

А затем они оба увидели это. В глубине оплавленного шпиля, среди багровых прожилок, зажглась точка ослепительно-белого света. Она росла, набухала, пульсировала в такт ноте.

— Марк... — голос Кемпалья сорвался на шепот.

— Вижу, — отрывисто бросил пилот.

Точка света взорвалась беззвучной вспышкой. И тьма вокруг Архитектора пришла в движение. От колонн, от арок, от самых глубоких провалов начали отделяться сгустки мрака. Они были чернее окружающей воды, чернее самой бездны. Они двигались — нет, скользили, перетекая из одной формы в другую, как ожившие тени. Бесформенные, но полные зловещей, хищной грации.

Их были десятки. Сотни.

«Калипсо» снова вздрогнул, на этот раз от первого, пока еще несильного, но отчетливого удара по обшивке.

— Тени, — выдохнул Кемпаль, не веря своим глазам. — Они... они материальны.

Марк уже действовал. Его пальцы летали по консоли, запуская предстартовые ускорители и систему экстренного маневрирования.

— Всем постам, приготовиться к аварийному всплытию! — его голос звенел металлом, но теперь это был не холод прежнего раздражения, а раскаленная добела сталь боевой

готовности. — Держись крепче, мелодист. Сейчас будет твоя любимая часть — импровизация.

Тени накатывали со всех сторон, заслоняя собой мертвый город.

Глава 3. Контрмелодия

Первый настоящий удар едва не перевернул «Калипсо». Марк швырнул батискаф в крутой вираж, уходя от лобовой атаки, и сгусток тьмы, похожий на клубок живых чернильных щупалец, пронесся в метре от обзорного иллюминатора. В рубке взвыли сирены, диагностические голограммы окрасились тревожным алым.

— Потеряли два внешних сенсора! — крикнул Кемиаль, вцепившись в консоль. — Эти штуки... они не просто таранят. Они разрушают структуру металла на молекулярном уровне!

— Значит, постараемся, чтобы они до нас не дотрагивались, — процедил Марк, бросая «Калипсо» в узкий промежуток между двумя колоннами-небоскребами. — Умница, Кем, ты оказался прав. Это не просто тишина. Это засада.

Батискаф несся сквозь мертвый лес Архитектора. Колон-

ны мелькали по бортам, как шпалы на сверхскоростной трассе. Марк пилотировал на грани возможного и невозможного, используя древние сооружения как щиты и лабиринт одновременно. Он читал пространство так, как Кемпаль читал звуковые волны — интуитивно, всем своим существом. Тени преследовали их, не отставая, бесшумно перетекая сквозь проходы и арки.

— Они нас загоняют, — сквозь зубы выдохнул Марк. — Вытесняют к центральному шпилью. Тому самому, с пушкой.

Кемпаль лихорадочно перебирал настройки акустических излучателей. Это был его единственный инструмент, его оружие. «Калипсо» был научным судном, на нем не было торпед или силовых щитов. Только мощные гидрофоны, способные транслировать звук чудовищной громкости.

— Попробую дать им ответную ноту! — крикнул он. — Ту, что они пели нам!

Идея была безумной. Воспроизвести записанную угрожающую ноту, настроить ее на резонансную частоту самих теней. Он вывел на главный экран спектрограмму той единственной вибрации, что они слышали, и запустил алгоритм анализа. Машина послушно разложила звук на гармоники. Структура была невероятно сложной, многослойной, почти

музыкальной. Но в ее центре пульсировала одна-единственная, доминирующая частота. Частота агрессии.

— Давай! — рявкнул Марк, уклоняясь от очередной черной плети. Тень прошла вскользь, и кусок внешней обшивки батискафа вспыхнул и осыпался пеплом, обнажив силовой каркас. — Или через минуту нам будет нечего защищать!

Кемиаль ударил по сенсору активации. Излучатели «Калипсо» выдали полную мощность. Низкий, утробный рев наполнил воду. Это была точная копия угрожающей ноты, усиленная в десятки раз.

Эффект оказался мгновенным. Тени, уже окружившие батискаф плотным кольцом, вдруг замерли. Их движение стало хаотичным, рваным. Они начали пульсировать, менять форму, словно корчась в агонии. Одна из них, самая крупная, внезапно потеряла целостность и распалась на облако быстро тающей взвеси.

— Работает! — крикнул Кемиаль с торжеством и ужасом одновременно. — Их структура разрушается от их же собственной частоты!

— Тогда не останавливайся! — Марк бросил батискаф в крутое пике, уходя из-под удара оставшихся теней. — Жми,

пока они все не лопнули!

Но спустя несколько секунд триумф сменился тревогой. Тени перестали распадаться. Они перестроились. Их пульсация синхронизировалась, и прямо на глазах они начали... мутировать. Их форма стала более плотной, очертания — более четкими и угловатыми, а на поверхности проступила едва заметная, тусклая багровая сетка, похожая на кровеносную систему. Они адаптировались. Поглощали энергию звука и менялись, становясь еще опаснее.

Кемиаль оборвал трансляцию. Рев стих, и в наступившей тишине он услышал, как тяжело дышит Марк.

— Они учатся, — прошептал Кемиаль. — Они... как вирус. Выбатывают иммунитет.

— Снаружи почти не осталось обшивки, — сухо констатировал Марк, глядя на тактический дисплей, превратившийся в море красных точек. — Двигатели перегреты на сто двадцать процентов. Еще один такой залп — и мы осыпемся трухой.

Батискаф вырвался из лабиринта колонн и завис прямо напротив центрального шпиля. Огромный, оплавленный срез зиял прямо перед ними, как дуло колоссального орудия.

Вокруг среза бесновался рой мутировавших теней, ставших еще быстрее и злее. Они не нападали. Они ждали.

— Почему они не атакуют? — спросил Кемраль.

— Потому что им не нужно, — ответил Марк мрачно. — Они загнали нас именно туда, куда хотели. В точку «Зенит». Сердце Архитектора. Смотри.

Он указал на глубомер. Они были на глубине девяти тысяч метров. И глубже уже некуда. Под ними была только толща кристалла, уходящая в мантию планеты.

— Если я попробую всплыть, они нас разорвут за секунды. Если останемся здесь — просто умрем от удушья, когда выйдет из строя система жизнеобеспечения, — Марк откинулся в кресле, и Кемраль впервые увидел в его глазах не злость, а холодную, расчетливую усталость. — Кажется, это конец, мелодист.

— Нет! — Кемраль почти выкрикнул это. — Вселенная — это не хаос! За каждым звуком стоит смысл! Они пели! Они общались! Это не просто оружие, Марк, это язык! Агрессия — это только первая нота. Должна быть и вторая. Контрмелодия!

Он снова склонился над консолью, игнорируя предупреждения о критическом состоянии батискафа. Его пальцы летали по виртуальным клавишам. Он анализировал спектрограмму угрожающей ноты, вычленяя ее структуру. Это была сложная гармония, построенная на диссонансе, на разрушительной интерференции волн. Но в каждой волне есть гребень и впадина. В каждом звуке — обертоны.

— Если нота агрессии построена на разрушительной интерференции... — бормотал он, погружаясь в мир акустических формул, — ...то контрмелодия должна быть построена на интерференции созидательной. На слиянии волн, а не на их столкновении!

— Кем, они двинулись! — голос Марка вернул его к реальности.

Рой теней пришел в движение. Медленно, словно смакуя момент, они начали сжимать кольцо вокруг «Калипсо». Их багровые прожилки пульсировали в такт, создавая жуткое подобие сердцебиения.

Кемиаль закрыл глаза. Он перестал думать как ученый. Он стал слушать. Слушать тишину, которая на самом деле была не тишиной, а симфонией, ждущей своего дирижера. Он вспомнил Песнь Колыбели — ту, что звучала до ката-

строфы. Живую, сложную, полную жизни. Он вспомнил ноту скорби, которую ощутил диафрагмой на границе восприятия. И он понял.

Это не было нападением чужаков. Это была агония самого Архитектора. Его последний, предсмертный крик, который породил Тени — порождения боли и страха. И теперь они защищают свою умирающую основу единственным известным им способом — уничтожая все вокруг.

— Я понял, — прошептал Кемпаль. — Это не оружие. Это крик о помощи.

Он открыл глаза и запустил алгоритм синтеза. На этот раз он не копировал ноту. Он создавал ее зеркальное отражение. Ту же частоту, ту же структуру, но с обращенной фазой. Не разрушение — созидание. Не агония — успокоение.

— Давай же, — молил он. — Спой со мной. Спой свою настоящую Песнь.

Марк, видя, что ученый не отступит, сделал единственное, что мог — развернул батискаф так, чтобы излучатели были направлены прямо в сердце шпиля. Прямо в зияющую рану.

— Если это не сработает, — тихо сказал он, — знай, это была честь — летать с тобой, мелодист.

Кемиаль нажал на активацию.

Из гидрофонов «Калипсо» вырвался звук. Он не был громким или агрессивным. Он был теплым, глубоким и невероятно сложным. Контрмелодия. Зеркальное отражение угрозы. Нота покоя. Нота исцеления.

Волна звука достигла шпиля, и мир вокруг них взорвался светом.

Кристаллы Архитектора, мертвые и молчаливые, начали загораться изнутри. Не багровым, а чистым, голубым светом. Узор на их гранях ожил, заструился. От шпиля к колоннам, от колонн к аркам побежала волна резонанса. Архитектор просыпался.

Тени замерли. Их багровая сетка поблекла, а затем и вовсе исчезла. Они начали бледнеть, терять свою плотную форму, превращаясь в облака серебристой, светящейся пыли. А затем, подхваченные волной голубого света, они начали двигаться в обратную сторону — не к батискафу, а к центральному шпилю. Они втягивались в оплавленный срез, как вода в воронку, залечивая рану, восстанавливая разрушенную

вершину.

И тогда Кемпаль услышал это.

Сначала робко, а затем все смелее и громче, из динамиков зазвучала Песнь Колыбели. Настоящая. Живая. Симфония целого мира, восстающего из пепла. И в этой симфонии была новая партия. Сложная, многоголосая, полная благодарности и... узнавания.

Песнь Архитектора.

Кемпаль откинулся в кресле. По его щекам текли слезы, но он этого не замечал. Он слушал. Марк молчал, глядя на возрождающийся город, и в его серых глазах, всегда таких циничных и жестких, отражался голубой свет.

— Ну что, тактик, — прошептал Кемпаль, не открывая глаз. — Все еще считаешь это могилой?

Марк не ответил. Он медленно протянул руку и положил ее на плечо Кемпалья. Жест был простым, почти невесомым, но в нем было больше слов, чем в любой из их перепалок. Молчаливое признание. Благодарность. Братство.

«Калипсо», целый и невредимый, висел в самом центре

ожившего хрустального города, и со всех сторон его омывала Песнь — бесконечная, прекрасная и теперь уже навсегда изменившаяся. Потому что в ней навсегда осталась нота, которую вписали двое пришельцев из другого мира. Нота спасения.

Глава 4. Голос в хрустале

Свет пульсировал.

Он распространялся от центрального шпилья волнами, как круги на воде, и каждая волна несла с собой новую партию Песни. Кемпаль, не отрываясь, смотрел на спектрограммы, которые теперь напоминали не хаотичный шум, а сложнейшую партитуру. Голоса наслаивались друг на друга: низкочастотный гул кристаллов, серебристые переливы теней, вытягивающихся обратно в рану, и где-то глубоко, на границе слышимости — далекие, пробуждающиеся голоса океана.

— Они отвечают, — прошептал он. — Киты, рыбы, планктон... вся биосфера. Они слышат Архитектора. Они поют ему в ответ.

Марк не разделял его восторга. Он проверял системы батискафа, и его лицо оставалось мрачным.

— Двигатели на последнем издыхании, — сообщил он. — Обшивка повреждена. Если мы не всплывем в ближайший час, то уже не всплывем никогда. Ты разбудил эту штуку, Кем. Очень мило. Но нам пора.

— Подожди, — Кемраль выставил ладонь. — Смотри.

Центральный шпиль, еще недавно искалеченный и оплавленный, полностью восстановился. На его вершине, там, где раньше зияла рана, теперь парил идеальный кристалл — сложная геометрическая фигура, напоминающая одновременно звезду и цветок. Он вращался медленно, и каждая его грань отражала свет по-разному, создавая вокруг себя мерцающее гало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.